

Читая Державина

Фрагменты

ВИКТОР СОСНОРА,

поэт

Державин писал: «По любви к отечественному слову желал я показать его гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся. Между прочим, для любопытных в доказательство его изобилия и мягкости послужат песни „Анакреон в собрании“, „Соловей во сне“, „Желание“, „Бабочка“, „Кузнечик“, в которых буквы „р“ совсем не употреблено».

Державин любил обобщения.

Державин не был полиглотом.

О «других языках» Державин судил не по собственному знанию языков, языки он узнавал довольно эпизодически, поэт поверил своей интуиции лингвиста и определению Ломоносова, которое он и перефразировал. Державин полагал, что доказательством изобилия и мягкости языка послужат стихотворения, лишённые тяжелой для слуха, по его мнению, буквы «р».

Наивный формализм!

Я проиллюстрирую теорию о звуках. П. Вяземский спорил с итальянцем. Итальянец решительно определял по звуку смысл слова. Итальянец не знал русского языка. Вяземский спросил: что, по его мнению, по мнению итальянца, означают слова «дружба», «любовь», «друг»? Итальянец ответил: это что-нибудь жесткое, суровое, может быть, и бранное. Вяземский спросил: что в таком случае, означает слово «телятина»? Итальянец объяснил: нет сомнения, это слово ласковое, нежное, обращаемое к желищине.

Стихотворение «Анакреон в собрании», действительно, и без буквы «р» получилось красивым, и более того, — грациозным. Но оно написано без рифм, что в значительной степени облегчило автору неприменение пресловутой буквы «р».

Вот что получилось в зарифмованном стихотворении «Кузнечик». Во всех двадцати четырех строках — сплошные местоимения, сплошные предлоги. Но дело не в количестве местоимений и предлогов, дело в том, что местоимения и предлоги погружены в рассыпающиеся строки. Строки ни в коем случае не желают существовать без буквы «р», которую насильственно увел куда-то великий поэт ради бессмысленного и бессильного эксперимента.

Вот две модели «легкости и самых нежнейших чувствований» в стихотворении «Кузнечик»:

Всем любуюся на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, все с тобой.

«Взглянешь **лишь, на, что, ты, в поле**» — не самая лучшая грамматическая конструкция.

Вторая модель:

Сам богат собою всем.

Невозможно расшифровать взаимодействие этого трио: **сам — собою — всем**.

Русский язык музыкален и изобилен. Но когда поэт заранее определяет (а не ощущает!) звучание стихотворения и тщательно исполняет впоследствии эту партитуру, то получается неинтересная азбука звукописи.

Ломоносов писал:

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.

Это прекрасные и драгоценные строки для представителя поэзии-риторики. Державин правильно угадал движение этих строк и перефразировал их:

Где бездны разноцветных звезд...

Так начинается борьба с фразами-названиями за фразы-детали, то есть борьба за поэзию против непоэзии-риторики. Не просто звезды без числа, а звезды — разноцветные, что и живописно зримо и физически достоверно.

Пушкин писал в письме к А. А. Дельвигу: «...перечел я Державина всего... Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка... Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения».

Суд неумолимый.

В 1828 г. Пушкин написал большую поэму «Полтава». Есть в поэме такая строфа:

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен
При кликах войска своего.

В 1796 г. Державин написал маленькую поэму «Афинейскому витязю». Есть в поэме такая строфа:

Подъемлешь скиптр на злых с громами,
А добрым припасеешь пир,
Юпитер,—...

Звукоподражание у Державина — всегда схема звука, но не смысл явления. Это силетение элементарных анафоров и эпифоров:

В Европе грады брал, тряс троны...
И гул глухой в глуши гудет...
Рев ветров, скрип дерев дебелих.
Скакать от **сук**...
Частая **сеча** **меча**...
Полк **тритонов** **трубит** в **трубы**...

Таких примитивов у Державина много. Произносить эти гор-тантные и дребезжащие восклицания, мягко говоря, затруднительно. Это — хор без оркестра и без дирижера, и хор этот раздается в безлюдном зале, при погашенных люстрах, а хористы ходят, спотыкаясь.

Но вдруг в небе появляется молния, она освещает темные пятна неба и одинокую лодку, а в лодке человека 59-ти лет. Он снял свой парик царедворца и поучителя, он лыс, у него мясистое лицо и мясистый нос, в его жестах нет и оттенка величия министра.

Океан поднимает и опускает лодку, а лысый человек растерян, он один, он в отчаянье, он пьян.

И тогда, когда под ногой нет камня — земли, когда океан все колблет, когда нет сил и нет равновесия, чтобы описать стихотворение прозой (а Державин составлял такие своеобразные подстрочники для своих стихотворений), — тогда появляется одинокая и мучительная строка:

И с плачем плыть в толь дальний путь...

В этой строке тоже немало и «п», и «л», но это уже не механическое звукоподражание.

Это — музыка муки, это — гениально угаданная мелодия отчаяния, это библейский плач на реках Вавилонских, это понимание великим художником своей личности, понимание направления движения своей судьбы по географической карте истории, это — стихотворение «Мореход».

И с плачем плыть в толь дальний путь...

Одна эта строка — уже символ эпохи, и одна эта строка — уже эпохея. Но как прекрасно все стихотворение:

Что ветры мне и сине море?
Что гром, и шторм, и океан?
Где ужасы и где туг горе,
Когда в руках с вином стакан?
Спасет ли нас компас, руль, снасти?
Нет! Сила в том, чтоб дух пылал
Я пью! и не боюсь напасти,
Приди хотя девятый вал!
Приди, и воли зияй утроба!
Мне лучше пьяным утонуть,
Чем трезвым дожидать до гроба
И с плачем плыть в толь дальний путь.

Немало у Державина и служебных аллитераций.

Когда большие морозы, когда на стеклах появляются вертикальные льдинки, припаянные к стеклам, то весь большой мир, который расположен за экраном этого непрозрачного льда, большой мир — не существует: ни птицы, ни человеческой фигуры, ни голоса, ни лая — только белый лед на геометрических стеклах...

Вот образцы предложений замороженных, но в орнаментах аллитераций:

Монархи мудры милосерды...
К благим и добрым буду добр...
Дадут и дух и ум и вкус...

Но вот художник подышал на стекло, и в эту маленькую округлость, образованную дыханием, орнаментированную теми же аллитерациями, художник увидел, как:

Льды прияли вид лилей,

художник увидел, что рабы

Смирненно на соломе спят,

художник оглянулся и увидел, как

Очаровательный огонь чудный
Малюет на степе луну,

художник понял, что

Жизнь-жертвенник торжеств и крови,

что в конце концов

Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.
Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске вислящий,

что в результате всего

Монарх и узник — снесь червей,

а потому и вывод

Гуляй, удада голова!

Натурализм Державина всегда на границе дозволенного:

Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях.

Это не натурализм, а естественное стремление к детализации. Кантемир или Сумароков никогда не сказали бы «приятный ужас». Более того: они были смущены и возмущены фразой «течет во всех моих костях». Ужас был для них ужасен, и только.

Но, например, когда пальцы замерзают, потом замерзнут, а потом начищают оттаивать, чувствуешь, действительно, приятную боль. А детализация Державина дает ощущение всепроникающего ужаса.

Конечно, никто не восклицает с закрытым ртом. Но до Державина никто и не подчеркивал, что восклицают с открытым ртом — это подразумевалось, как вообще в риторике под названиями действий и состояний подразумеваются действия и состояния, но не выясняется ни характер оных, ни природа.

Державин пишет:

И восклицал с открытым ртом.

И это акцентирование «с открытым ртом» дает зримое представление о крике.

Державин все пытается детализировать. И в этом — правда его философии.

Воды с утеса у Державина не падают, они — гнутся, взоры во мраке — как искры, взгляд — по бледнелый и вращается.

Когда поэт описывает свое фантастическое превращение в лебедя, я верю этому превращению, потому что описано оно реально и детально: пернатая кожа обтягивает его стан, на груди у него — пух, спина — крылата, он сам лоснится лебязьей белизной.

Державин—гигантоман.

О часах он писал:

Глаголы времени! Металла звонли!

Это единственный прекрасный образ во всей вселенной его образов-гигантов.

Если поэт говорит о смерти, то его волнует только смерть космическая:

Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

А вот стихотворение «Гром», и глаголы обращены к грому:

Как камень стально сылет искры,
Так от твоей струятся митры
В мрак солнца средь безмерных мест,
Ты дхнешь — как прах вновь сферы встанут.

Державин играет словами, но эта игра тяжела, как труд Сизифа. Он поднимает непосильные и ненужные камни:

Я к крале короля бросаю...
..... и воспевае
Зря розу иль зарю...
Играя с громами эрот...
Горе пред ним орел парит.

Двойная приблизительная внутренняя рифма: горе-орел, пред ним — парит, — не только не соизвещает движению парения, но искажает его медленность и постепенность.

И только в одном случае из ста игра слов осмысливается, приобретает поверхностную афористичность:

Я князь — коль мой сияет дух,
Владелец, коль страстьми владею,
Болярин, коль за всех болею.

Гигантомания хвalebных од Державина — карликовая гигантомания:

О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величии нет равных,
Возросший на похваста Россе!

и т. д. — сотни таких нагромождений с восклицательным знаком, а выводы од:

Приди моей сей песни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатерине.

И еще:

Отныне горы ввек Альпийски
Пребудут Россов обелиски,
Дымящи хоймы-алтари.

Это не слова поэта.

Это слова генерала.

Когда читаешь такие произведения, как «Фонарь», «На кончину великой княжны Ольги Павловны», «Персей» и «Андромеда», «Мужество», «К царевичу Хлору», — все чувства пропадают, остается одно устойчивое человеческое чувство — стыд за «мглистый фирмам», как писал друг поэта Храповицкий (тоже, впрочем, царедворец).

И как внезапно и ясно раскрывается гений Державина, когда он предаёт забвению свою банальную патетику философа и следует своему истинному призванию — призванию художника.

И успокоены его удручающие гулы и громы, и ревы. И при-

стально и проникновенно смотрит поэт в ночь, нанося на чистые холсты свои пристальные и проникновенные краски:

Ко берегу лодка подплывала,
Приблизилась она ко мне;
Тень белая на ней мелькала,
Как образ мраморный во сне.

Как просто и смело, какой лаконичный, точный и дивный образ! Кто из современников Державина осмелился бы сравнить белую бесплотную тень с мрамором? Только Блок, спустя столетие, сумел ввести в поэзию такие формы сравнений.

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире,
Блестаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала,
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.

Какое превосходное чувство цвета, какая мягкая музыкальность исполнения, какие удивительные метаморфозы происходят в сумраке!

Золотая луна в серебряной короне, луна — золото, а корона — освещение в темно-голубом воздухе, и тонкие стекла города в тишине освещения, и тишина созерцания, и сумрак, и большой палевый луч — во всё окно, рассеянный, но палевый, и ничего больше, кроме луны и стекол, и медленное нанесение большой кистью золотых стекол на золотом полу, в сумраке темно-голубой комнаты.

И огромное количество «ла», «лу», «ле» ничуть не мешают слуху, а наоборот, подчеркивает таинственность и прелесть происходящих превращений — как тайнопись.

Рифмам Державин придавал значение второстепенное.

Он обращал внимание на философию фразы, а не стихотворной строки, на украшение всей фразы, а не окончания строки. Поэтому все рифмы Державина расслаблены во имя общей философии стихотворения.

«Во имя» — это выводы. И выводы, сделанные чуть ли не через два века. На самом деле рифмы Державина интуитивны. В основном они довольно добротны и ординарны. Но иногда они настолько приближительны, что рифмами их можно назвать лишь условно: вестфальской — астраханской, купно — всеминутно, скачешь — машешь, клетку — издевку, разгулье — правосудие, коварных — тайных, послушны — благополучны, вокруг — слух, самолюбью — орудью.

А вот и рифмы-аномалии, излюбленные рифмы начала и середины XX в., когда литературоведы стали классифицировать их как растения и называть вымышленными и символическими именами: ассоциативными, корневыми, префиксными и т. д. Рифмы-ано-

малии Державина «из прекрасного далека» ненавязчиво и неспешно охватывают весь словарь современных рифм: свет — сечет, мне — тьме, суетою — собою, забываю — забываю, тираном — Тамерланом, пухли — туфли, лагах — лапах, богатом — браком, благовожду — благородну, глас — глаз, громы — холмы, терны — темны, вечерней — весенней, притворства — потомства, труп — тут, жар — тварь, паренье — пенье, стол — соль, дыбом — дивом, Павел — ангел, Альпийски — обелиски, любовь — Львов, стопы — столпы, адепты — одеты, Сафа — арфа.

Державин рисовал карты Казанской губернии.

С «преторианцами русского самодержавия» участвовал в дворцовом перевороте 28 июля 1762 г.

В 27 лет сжег все свои стихотворные опыты.

Подавлял восстание Пугачева.

Служил в Сенате в должности экзекутора.

Был губернатором в Олонецкой губернии.

Был губернатором в Тамбове.

Был кабинет-секретарем Екатерины.

Был сенатором.

Был правителем канцелярии Государственного Совета при Павле.

Был министром юстиции при Александре.

Одиннадцать ступеней Командора!

Державин придавал первостепенное значение своей государственной деятельности. Он не только получал награды, но и не упускал случая получить награду и похвастаться в своих смешных автобиографических записках.

О своей поэтической деятельности поэт пишет мимолетно, мимоходом. И — напрасно.

Потомок татарского рода Багрима, нищий сын нищей дворянской семьи, 10 лет прослуживший обыкновенным солдатом, он прекрасно продолжал бы свое существование в нищете, он общался бы со своими нищими рабами, а не с царями, невзирая на весь свой неподражаемый государственный ум, невзирая на все свои нерукотворные политические таланты, если бы в 1783 г. (Державину — 40 лет!) Дашкова не напечатала его поэтическое произведение — оду «Фелица»,

если бы

ода «Фелица» не была прочитана Екатериной,

если бы

ода «Фелица» не была откровением русского века,

если бы

ода «Фелица» не благославляла просвещенный абсолютизм,

если бы (тоже немаловажно)

ода эта не поощряла графоманию царя-писательницы Екатерины.

Державин заблуждался, воображая себя деятелем. Ни одна губерния, ни один государь не сумели хоть кое-как ужиться с поэтом.

И, если бы

не поэтические произведения, написанные вовремя,

если бы

не всемирная слава Державина-поэта, а не Державина-Меттерниха, а не Державина-Талейрана, если бы,—

то неизвестно еще никому, каким судом судили бы бешеного губернатора, в какой сибирской тайге, в какой архангельской тундре он обрабатывал бы свои оды.

В октябре 1803 г. Державин ушел в отставку. Ушел он с обидой, после ссоры с Александром. Эта отставка была обида для него и счастье для литературы.

Когда Державин служил, он писал мало и — государственно. В отставке он написал две свои лучшие книги — две из трех. Большинство своих лучших стихотворений (почти все) Державин написал, когда не служил. Эти стихотворения и вошли во все антологии всех стран мира.

Круг замкнулся.

Общественные движения Державина оказались непужными и ложными. Он убегал от творчества, но неизбежно должен был прийти и пришел к творчеству.

В искусстве существуют только первые. Философия и исполнение вторых — скромность, а правильное — эпигонство, т. е. бесполезность их труда и существования.

Державин первый в русской поэзии поднял флаг и вышел в океан. Он был один на корабле, сам — штурман, сам — капитан, сам — грузчик. Компас на корабле отсутствовал, пищи не было, боеприпасов не было. Одни крысы шевелились в безлюдных трюмах.

Каким же нужно было обладать гением, какими мускулами, какой энергией, какой интуицией, чтобы без единого предшественника бесстрашно вести одинокий корабль через неизученный, белый от бурь океан, да еще с усмешкой беседовать с властителями и судьями. Командор никогда не опускал свои мясистые руки, никогда не смотрел своими маленькими оплывшими глазами мимо солнца.

Державин писал: «Орел открытыми очами смотрит на красоту солнца и восхищается им к высочайшему парению; ночные только птицы не могут сносить без досады его сияние».

Гоголь писал: «Исполинские свойства вдруг превращаются в перящество, как только оставляет его воодушевление».

Белинский писал: «Вот уж подлинно глыба грубой руды с яркими блестками чистого самородного золота».

Пушкин писал: «Что ж в нем: мысли, картины и движения *истинно поэтические*».